

Н. Г. Пашкин

ПРЕДЫСТОРИЯ ФЕРРАРО-ФЛОРЕНТИЙСКОГО СОБОРА: КОНФЛИКТ МЕЖДУ СВЕТСКОЙ И ЦЕРКОВНОЙ ВЛАСТЯМИ

Рассматриваются проблемы, связанные с дипломатической подготовкой церковной унии между Византией и Римом в первой половине XV в. Автор раскрывает различия в подходах к этому вопросу со стороны светской и церковной властей в Византии. Политические соображения, оказывавшие определяющее влияние на императора, заставляли мириться с идеологическими стереотипами, которые отстаивала патриархия.

История Византии довольно часто обнаруживала непростой и неоднозначный характер взаимоотношений императорской и церковной власти. Состояние гармонии между церковью и государством, которое сами византийцы выражали таким понятием, как симфония, было идеалом, который нередко уступал место противостоянию. Авторитет и позиция патриархов неоднократно вынуждали считаться с собой императорскую власть, и в отдельные периоды церковь вполне была способна отстоять свои интересы. Тем более это было актуально на заключительном этапе византийской истории, когда под вопросом оказалась дальнейшая судьба государства.

Флорентийская уния 1439 г., являвшаяся формальным воссоединением церквей Запада и Востока, была именно одним из таких драматических эпизодов. Здесь проявили себя как самостоятельность светской и церковной властей, так и зависимость их друг от друга. Это прекрасно доказывает нам история самого Ферраро-Флорентийского собора, которая на сегодняшний день достаточно хорошо изучена [см.: Gill, 1959]. Тогда политические интересы заставили церковь подчиниться и подписать унию на унижительных для себя условиях, не в последнюю очередь под давлением императора. Именно так оценивали происшедшее сами современники этой драмы [см.: Syropulos, 1971]¹. Однако предыстория Флорентийского собора, которая насчитывает не один десяток лет, дает основание полагать, что до непосредственного подписания унии византийская церковь вовсе не находилась в состоянии молчаливой покорности. Напротив, нередко она открыто и наравне с императором участвовала в переговорах, формируя и отстаивая свой собственный подход в деле подготовки униатского собора.

Как известно, с XIV в. история Византии была, по сути, медленным угасанием империи под военным натиском турок. Политические интересы подталкивали го-

¹ *Сильвестр Сиропул* – современник и непосредственный участник Ферраро-Флорентийского собора, входивший в круг ближайшего окружения патриарха Иосифа II (1416–1439). Ему принадлежат мемуары, отражающие историю этого события. Основное место в них занимают эпизоды, связанные с дипломатией и закулисной борьбой в ходе подготовки и проведения униатского собора. Главная идея сочинения сводится именно к тому, что уния не была результатом свободного волеизъявления восточной церкви.

сударственную элиту к сближению с латинским Западом. Церковная уния с Римом на соборе во Флоренции стала его заключительным актом. Но само обращение к этому инструменту было для Византии уже испытанной практикой. Первой реализованной попыткой такого рода была Лионская уния 1274 г. Она была призвана в свое время при помощи покровительства папы защитить недавно восстановленную империю Палеологов от военного реванша Запада. Однако сам план заключения Лионской унии был подготовлен на фоне острого конфликта императора Михаила VIII (1261—1282) с высшим духовенством, и, в сущности, исполнение данного проекта было целиком делом императорской дипломатии.

Под этим углом зрения совсем иначе выглядит история Флорентийской унии. На этот раз церковь в лице патриарха весьма активно участвовала не только в заключительных, но и подготовительных, в том числе дипломатических, мероприятиях в связи с подписанием унии. Обе стороны шли теперь к единой цели, хотя методы ее достижения видели иногда по-разному. Государственный прагматизм императорской власти не всегда вписывался в старые идеологические стереотипы, которые охраняла церковь. Тем не менее эти различия в подходах на этапе подготовки униатского собора не стали поводом для открытого противостояния. Лишь внимательное изучение переговорного процесса и дипломатии раскрывает неоднозначность позиций императорского двора и церкви в этом сложном вопросе.

Драматизм ситуации усугублялся еще и тем фактом, что различные позиции внутри византийской стороны давали о себе знать на фоне глубокой разобщенности внутри латинской церкви. Великий раскол, начавшийся здесь в 1378 г., был преодолен лишь на Констанцском соборе (1414—1418). В течение этого времени вопрос о воссоединении христианских церквей утратил свою актуальность. После того как в период понтификата Мартина V (1418—1431) единство западной церкви было восстановлено, возникли и новые предпосылки для переговоров. Однако в 30-х гг. политика церковной реформы, предпринятая Базельским собором (1431—1449), стала причиной его конфронтации с папой Евгением IV. В результате византийская дипломатия была вынуждена лавировать между ними. В 1437 г. развитие ситуации вылилось в новый раскол на Западе. Византийцы присоединились к папе и последовали за ним на Ферраро-Флорентийский собор, который стал, таким образом, антиподом Базельскому. Между тем многие повороты на этом пути можно объяснить лишь различием позиций императора и патриарха.

История Флорентийской унии своими истоками восходит к Констанцскому собору. Ему предшествовали переговоры относительно перспектив церковного воссоединения и политического союза между германским императором Сигизмундом Люксембургом (1410—1437) и византийским императором Мануилом II (1391—1425) [см.: Brandmüller, 1991, 187]. В 1416 г. в Констанц прибыло византийское посольство. Об участии в нем представителей духовенства ничего не известно. Руководитель миссии Николай Евдемон был доверенным лицом императора и принадлежал к кругам морейской аристократии. В функции своеобразного посредника между византийцами и папой [см.: Loenertz, 1939, 24—31]. По его собственным словам, он лично переводил тогда на латинский язык пожелания визан-

тийской стороны в форме каких-то 36 параграфов [Сессони, 1869, *XXIX—XXXI*]. В 1417 г. они были официально предложены к рассмотрению папе Мартину V. Как покажут дальнейшие события, деятельность посольства якобы убедила папу в безоговорочной готовности греков заключить унию на его условиях.

Между тем вполне противоположное впечатление должна была оказать на римского понтифика другая дипломатическая инициатива по этому же вопросу. В феврале 1418 г. в Констанц прибыло посольство киевского митрополита Григория Цамблака. Хотя оно осталось без каких-либо практических последствий, тем не менее это событие наводит на определенные размышления. Статус Григория Цамблака был весьма сомнительным. Тремя годами ранее он был избран митрополитом на поместном соборе в Новогрудке западно-русским епископатом. Со стороны Польши и Литвы это выглядело как попытка расколоть русскую митрополию, возглавляемую на тот момент московским митрополитом Фотием. Константинопольский патриарх Евфимий отказался утверждать Цамблака. Несмотря на это он вскоре возглавил вышеупомянутую миссию на Констанцском соборе [см.: Рамм, 1959, 41—67; Греков, 1963, 113]. В его выступлении, обращенном к папе, несколько деталей обращают на себя наше внимание. Во-первых, Цамблак утверждал, что своей миссией он выражает волю византийского императора, как и патриарха. Из его слов следовало, что литовский князь Витовт и польский король Владислав лишь дали свое согласие митрополиту на переговоры с собором, но сами не были их инициаторами [Acta Concilii Constantiensis, 1923, 165—166]². Во-вторых, Цамблак предложил самый строгий формат переговоров по церковной унии. Речь шла именно о созыве Вселенского собора и необходимости соборного обсуждения спорных вопросов [Ibid, 167]³. Ничего подобного, как известно, не было вообще при заключении Лионской унии. Кроме того, необходимо заметить, что императорское посольство Николая Евдемона никак не отреагировало на появление Григория Цамблака. По-видимому, несмотря на сомнительный статус митрополита, оно отнеслось к нему на удивление лояльно. Однако и это обстоятельство, и все остальные должны иметь какое-то объяснение. Возможно, что негласное признание Цамблака и его права вступить в переговоры с папой в действительности проистекали от Константинопольского патриархата. Через Киевского митрополита глава восточной церкви получал, таким образом, возможность донести до папы свою самостоятельную позицию в вопросе унии наряду с императором [см.: Ломизе, 1994, 105—106]. Эта позиция, как мы видим, отличалась твердостью. Очевидно, поэтому миссия Григория Цамблака ни к чему и не привела, и последующий ответ папы

² «Cum itaque ego, beatissime pater, dudum hanc sanctam unionem desiderarem, adii christianissimum dominum meum, dominum regem Poloniae ac dominum ducem Witoldum fratrem suum... Cupit hanc sanctissimam unionem, beatissime pater, serenissimus dominus meus, d. Imperator Constantinopolitanus, filius sanctitatis vestrae, patriarcha etiam illius urbis ceterique populi christiani illarum partium...»

³ «Omnem etiam curam fecerunt... hoc servato, ut cum via debita et honesta atque consueta fiat, scilicet per congregationem concilii, ut utrumque congregentur periti et experiti iuris, qui discernant de negotiis fidei et hanc differentiam inter illam gentem cum sancta Romana ecclesia».

на тему воссоединения апеллировал к тому, что предлагало в Констанце лишь императорское посольство.

Судя по ответу, данные предложения якобы обещали широкие уступки Риму со стороны греков. Именно это дал понять папский легат Антонио да Масса, который прибыл в Константинополь для продолжения переговоров осенью 1422 г. [Annales Ecclesiastici..., 1874, 27, *ad* 1422, 5—15]. Его пребывание в византийской столице затянулось. Император Мануил II был тяжело болен. Прошло более месяца, прежде чем его соправитель Иоанн VIII внезапно объявил недоразумением данные в Констанце обещания о готовности греков заключить унию как можно скорее [Sessoni, 1876, XIV—XVI]. Дипломатам был адресован упрек в превышении полномочий. За этим последовало требование созыва Вселенского собора в полном соответствии с древними каноническими правилами, причем обязательно в Константинополе. Но даже и эти условия ничего не приближали, так как под предлогом угрожающей военной обстановки император предлагал на неопределенное время отложить организацию данного мероприятия. Налицо была явная победа патриархии, сумевшей навязать свою, причем предельно жесткую, концепцию переговорного процесса, не допускавшую никаких уступок западной церкви. Разумеется, папа не мог принять этого. Контакты с ним оказались фактически заморожены. Иоанн VIII, который спустя несколько месяцев с дипломатической миссией следовал через Италию в Венгрию, не вступил в новые переговоры ни с папой, ни с церковным собором в Сиене.

Похожая интрига, отражающая несовпадение позиций светской и духовной властей, повторилась в 1426 г. [см.: Syropoulos, 1971, II, 13—15]. Очевидно, императорская дипломатия попыталась тогда возобновить переговоры. Византийское посольство было принято папой Мартином V в Риме. Грекам предложили согласиться на проведение униатского собора в Италии. Прямой ответ византийцы не дали за отсутствием полномочий, но политические соображения, скорее всего, побуждали императора отказаться от созыва собора в Константинополе. Поэтому послы уже были готовы к тому, чтобы в качестве встречного условия предложить западной церкви взять на себя все расходы. Согласие было получено, и на обратном пути византийских дипломатов сопровождал эмиссар папы Андрей Хрисовберг. Ему предстояло выступить доверенным лицом понтифика в намечавшемся проекте. В Константинополе он провел успешные переговоры с императором. Но согласовать дело с патриархом Иосифом II не удалось. После встречи с ним император Иоанн VIII (1425—1449) внезапно прервал переговоры. С пустыми руками доминиканец вернулся на Запад, и в отношениях между Константинополем и Римом наступила новая продолжительная пауза.

В 1430 г. императорская дипломатия наконец добилась своего. В Риме было заключено предварительное соглашение о проведении Вселенского собора в Италии. Правда, убедить в этом византийскую церковь оказалось непросто. По имеющимся у нас данным лишь после длительных уговоров императора патриарх согласился утвердить договор [см.: Ibid., II, 16—19]. С другой стороны, в новых посольствах на Запад впредь неоднократно участвовали представители духовенства,

а дипломатические послания патриарха, как правило, присутствовали рядом с императорскими. Кроме того, все западные послы, посещавшие Константинополь, обязательно имели отдельные встречи с патриархом и высшим духовенством [см.: Ломизе, 1994, 107—108].

Довести начатое дело до конца помешала смерть папы Мартина V. Контакты с Византией продолжил его преемник Евгений IV (1431—1447). Тем не менее переговоры с ним, имевшие место в 1433 г., сначала закончились безрезультатно [Syropulos, 1971, II, 19]. Не исключено, что патриарх попытался вернуть прежнее требование о проведении собора в Константинополе. Шансы получить на это согласие папы действительно появились, так как его положение сильно осложнял недавно открывшийся собор западной церкви в Базеле. Первоначально в его планы не входили отношения с греками, но он и не мог допустить, чтобы папа созвал новый подконтрольный себе собор с участием восточной церкви. Идеальным решением здесь вообще считалось подписание унии непосредственно на самом Базельском соборе. В результате он развернул собственную политику в отношении греков. Большое значение для него имела поддержка светских правителей Запада, особенно германского императора Сигизмунда.

Сложившаяся ситуация, которая фактически раскалывала западную церковь, очевидно, создавала новую почву для противоречий между императором и патриархией. Политические интересы вынуждали императорский двор до последнего считаться с авторитетом Базельского собора. Патриарх же считал полномочия собора в таком вопросе сомнительными, в лучшем случае полагал, что с ним можно сотрудничать лишь до тех пор, пока его решения не противоречат папе. Первое послание патриарха Базельскому собору появилось на месяц раньше императорского, в октябре 1433 г. [Cecconi, 1869, XXXVI—XXXVII]. Главным его содержанием было требование соблюдения канонических принципов в организации будущего униатского собора, гарантировать равноправие и представительность обеих церквей. Послание императора, напротив, не содержало никаких предварительных условий и ограничивалось общими пожеланиями [Ibid, XXXVI—XXXVII]. Однако еще до отъезда первого византийского посольства в Базель демарш папской дипломатии вновь дал повод для взаимного несогласия сторон. Стремясь остановить нежелательное для него сближение Византии с Базельским собором, папа предлагал вернуться к концепции проведения объединительного собора в Константинополе [Epistolae Pontificiae ad Concilium Florentinum spectantes, 1940, 32]. Предложение встретило поддержку патриарха, чего нельзя сказать об императоре. Иоанн VIII Палеолог настаивал на продолжении переговоров с Базелем, однако согласился ознакомить собор с позицией папы. Как и следовало ожидать, в Базеле ее не поддержали и осенью 1434 г. заключили собственный договор с Византией, по которому предстояло созвать Вселенский собор в Европе [см.: Пашкин, 2007, 89—90]. Единственное принятое условие, на котором настояла византийская патриархия, состояло в том, что сам Базельский собор не мог претендовать на этот статус.

Летом 1435 г. в Византии начались переговоры с базельским посольством. Они снова едва не оказались под угрозой, так как эмиссар папы в очередной раз при-

был в Константинополь, чтобы убедить императора в неспособности Базельского собора выполнить только что заключенный с ним договор. К его словам присоединились два византийских дипломата, которые только что вернулись из Базеля, — Мануил Дисипат и игумен Исидор (впоследствии митрополит Киевский) [см.: Сессопи, 1869, *ССССХСIII*]. Заслуживает внимания тот факт, что оттуда они возвращались отдельно от остальной группы послов через Италию. Это можно объяснить разве что необходимостью встречи с папой. Если так, то дипломаты скорее всего выполняли поручения патриарха, а после возвращения домой подтвердили это своей поддержкой, оказанной папскому посланнику. Тем не менее политика императорского двора по продолжению сотрудничества с Базельским собором была продолжена.

Возможность проведения униатского собора в Константинополе больше уже не обсуждалась. Зато вопрос о выборе конкретного места на Западе оказался чрезвычайно сложным. Большинство на Базельском соборе, находившееся в оппозиции папе, предложило назначить Авиньон. Папа и его сторонники настаивали на переезде в Италию. К последнему варианту склонялись и греки. В противном случае возникала опасность, что будущий собор, организованный из Базеля, не будет признан папой. Между тем в 1435 г. именно патриарх впервые подчеркнул в своем письме к Базельскому собору недопустимость отстранения папы от переговоров [Ibid, *CLXXIX—CLXXXI*].

В 1437 г. ситуация накалилась до предела. Между курией и Базельским собором произошел открытый разрыв. С обеих сторон в Константинополь прибыли посольства, чтобы доставить восточную делегацию на Вселенский собор. Линии поведения императора и патриарха, которые самостоятельно вели переговоры с западными миссиями, вновь обнаружили глубокие различия [см.: Пашкин, 2007, 140—149]. Встреча базельской делегации с патриархом и синодом прошла лишь однажды, и результатом был категорический отказ признать ее право представлять западную церковь. Иначе вел себя император, который трижды назначал послам из Базеля аудиенцию. Исходя из признания законности обеих партий, государь настаивал на их взаимном примирении. Когда возможности этого были исчерпаны, то лишь формальные основания стали поводом для решения отправляться в Италию, а не в Авиньон. Но и это решение еще не казалось окончательным. Император сохранял намерение быть посредником в урегулировании конфликта на Западе. Его послание Базельскому собору, отправленное непосредственно перед отъездом, все еще не вносило полной ясности в вопрос о том, по какому пути он последует [Сессопи, 1869, *ССССXLV—ССССXLVI*].

После того как византийская делегация прибыла в Венецию в феврале 1438 г., вопрос о дальнейших шагах вновь был поставлен на обсуждение в императорском совете. Предстояло ехать либо к папе в Феррару, либо в Базель, либо занять выжидательную позицию и оставаться в Венеции. С точки зрения политических интересов этот выбор имел большое значение, так как большинство европейских правителей либо поддерживали Базельский собор в его конфликте с папой, либо хранили нейтралитет [см.: Meuthen, 1990, 219—233]. В результате униатский собор,

созванный папой, мог не получить необходимого для греков политического резонанса на Западе. Эти опасения, которые впоследствии полностью оправдались, вынуждали императора не спешить со своим решением. Однако патриарх заранее осудил разговоры о возможном пути в Базель [см.: Syropulos, 1971, IV, 24]. Вслед за этим глава восточной церкви вступил в закулисные переговоры с венецианским сенатом, стараясь выяснить, какие реальные силы поддерживают Базельский собор и папу [Acta Camerae Apostolicae..., 1950, 26—27]. Известно, что после этих переговоров патриарх в своем письме от 17 февраля известил депутатов от Кастилии на Базельском соборе о намерении греков ехать в Феррару. Между тем окончательное решение об этом в кругу императора было объявлено лишь на следующий день [см.: Laurent, 1960, 136—144]. Показательно и последнее письмо императора в Базель, в котором невозможность приезда туда мотивировалась лишь физическими трудностями дальнего путешествия [Cecconi, 1869, DLXI—DLXII]. Таким образом, византийский правитель тщательно избегал говорить о разрыве отношений, хотя фактически вынужден был идти на это.

Позиция императора и проводимая им дипломатия в вопросе унии руководствовались соображениями политической целесообразности и прагматизма. Сначала этим было продиктовано согласие вопреки позиции патриархии перенести униатский собор на Запад, а затем желание до последнего момента поддержать альянс с Базельским собором. Лишь взаимная непримиримость собора и папы сделали этот альянс невозможным. Между тем позиция патриарха, как мы видели, была акцентирована на формальных аспектах и содержательной стороне Вселенского собора, а отнюдь не на его политическом эффекте, которым должен был стать союз Византии и Запада против турок. Византийская церковь не случайно настаивала на союзе с папой и отрицала легитимность Базельского собора. В Базеле византийцы оказались бы в положении, аналогичном тому, в котором находились еретики-гуситы, либо в лучшем случае были бы включены в систему национального представительства [см.: Мейендорф, 1991, 93]. Однако канонический Вселенский собор требовал не только присутствия глав всех церквей, но и признания их равноправия. Лишь на таком соборе император мог быть вновь представлен в соответствии с древними стереотипами в качестве покровителя всей христианской ойкумены. Соблюдение этих принципов, по-видимому, изначально играло главную роль в определении позиции патриарха. Флорентийский собор формально этим принципам соответствовал. Однако это так и не спасло авторитет византийской церкви в момент подписания унии. Политические же ожидания, которые с ним связывались, оправдались еще меньше.

Греков И. Б. Очерки истории международных отношений в Восточной Европе XIII—XV вв. М., 1963.

Ломизе Е. М. Константинопольская патриархия и церковная политика императоров с конца XIV в. до Ферраро-Флорентийского собора // Византийский временник. 1994. Т. 55, ч. 1. С. 104—110.

Мейендорф И. Ф. Флорентийский собор: причины исторической неудачи // Византийский временник. 1991. Т. 52. С. 84—102.

Пашкин Н. Г. Византия в европейской политике первой половины XV в. (1402—1438). Екатеринбург, 2007.

Рамм Б. Я. Папство и Русь в X—XV веках. М.; Л., 1959.

Acta Camerae Apostolicae et civitatum Venetiarum, Ferrariae, Florentiae, Ianuae de concilio Florentino / Ed. G. Hofmann. Roma, 1950.

Acta Concilii Constantiensis / Hrsg. von H. Finke. Münster, 1923. Bd. 2.

Annales Ecclesiastici denuo excusi et ad nostra usque tempora perducti. Barri-Ducis, 1874. Vol. 27.

Brandmüller W. Das Konzil von Konstanz, 1414—1418. Bd. 1. Bis zur Abreise Sigismunds nach Narbonne. Paderborn, 1991.

Cecconi E. Studi storici sul concilio di Firenze. Firenze, 1869. Vol. 1.

Epistolae Pontificiae ad Concilium Florentinum spectantes / Ed. G. Hofmann. Roma, 1940. T. 1.

Gill J. The concile of Florence. Cambridge, 1959.

Laurent V. Les ambassadeurs du roi de Castille au concile de Bale et le Patriarche Joseph II (Février 1438) // Revue des Études Byzantines. 1960. T. 18. P. 136—144.

Loenertz R. Les Dominicains Byzantins Théodore et André Chrysobergés et les négociations pour l'union des grecque et latine de 1415 a 1430 // Archivum Fratrum Praedicatorum. 1939. Vol. 9. P. 5—61.

Meuthen E. Eugen IV., Ferrara-Florenz und der lateinische Westen // Annuarium Historiae Conciliorum. 1990. Bd. 22. S. 219—233.

Syropoulos — Les «Mémoires» du Grand Ecclésiarque de l'Église de Constantinople Sylvestre Syropoulos sur le concil de Florence (1438—1439) / Ed. V. Laurent. Paris, 1971.

В. А. Аракчеев

«ЗАПИСЬ О ДУШЕГУБСТВЕ»

Административно-судебная практика великих московских князей в XV в.

Исследование структуры и содержания «Записи о душегубстве» убеждает в том, что этот памятник права, аккумулировав результаты эволюции великокняжеского суда в XIV—XV вв., не складывался поэтапно на протяжении столетий. Запись представляет собой прото-судебник, созданный в 1470-х гг. с целью регламентации принципов суда в Москве.

«Запись, что ~~тает~~ д(у)шегубством к Москвѣ» (далее ЗД) — один из самых известных и загадочных текстов русской средневековой истории [АСЭИ, 1964, 27—28]. Едва замеченный дореволюционными историками, этот документ вызвал бурный интерес во второй половине XX в., когда со своими интерпретациями норм ЗД выступили крупнейшие исследователи русского Средневековья [см., например: Смирнов, 1947, 313—315; Черепниг, 1951, 349—358; Памятники, 1955, 199—208; Семенченко, 1978, 53—58; 1980, 196—228; 1982, 256—271; Хорошкевич, 1978, 193—203; Зимин, 1985, 133—141; Алексеев, 2000, 50—63; Кучкин, 2003, 273—